

ГУМАНИСТИЧЕСКИЕ ЦЕННОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Михаил Вишневецкий
Могилев, Беларусь

Кризис техногенной цивилизации побуждает более внимательно относиться к ценностно-целевым основаниям нововведений в сфере образования. Это относится и к усиленно пропагандируемой концепции и практике смарт-образования.

Ключевые слова: Образование, гуманистические ценности, кризис техногенной цивилизации, смарт-образование

Содержательное рассмотрение современного образования обязательно предполагает обращение к науке. Исследователи, указывающие на острые проблемы, возникшие в современной культуре в целом, в том числе и в образовании, правомерно ссылаются на ключевые параметры породившей данные проблемы техногенной цивилизации [1, с. 590], становление которой неразрывно связано с развитием науки. Сосредоточившись на получении объективно-истинного знания, наука Нового времени тем самым как бы вынесла за скобки или отодвинула на второй план вопросы ценностно-целевой ориентации человека в мире его бытия. Знания и ценности хотя и связаны между собой, но основательно различаются в том отношении, что знание есть соответствие мысли объекту, тогда как ценность предполагает соответствие объекта некоторой идее, мысли о чем-то бесспорно значимом.

Законы природы, открываемые наукой, не подлежат оценке в качестве хороших или плохих, хотя могут оцениваться с точки зрения их прикладной значимости. Непосредственной целью научно-познавательной деятельности является строгое описание изучаемых явлений, процессов, а также установление их закономерной связи и приведение в систему получаемых объективно истинных знаний. Конкретное содержание этих знаний может вызывать определенные интеллектуальные переживания и чувства, быть предметом эстетической оценки, но все это обычно находится на периферии специализированного научно-познавательного интереса. Вместе с тем, комплексная оценка и разностороннее осмысление знаний, предлагаемых для усвоения в процессе обучения, могут оказаться очень важными для деятельности образования в целом. Поскольку данная деятельность имеет мировоззренческую направленность, ей совершенно противопоказаны эмоциональная «глухота» и ценностная нейтральность.

Мировоззрение отдельных личностей может характеризоваться не только неодинаковой ценностно-целевой направленностью, но и разной степенью упорядоченности, систематичности и богатства содержания. Бывают люди, расположенные к выработке последовательных убеждений, выраженных в отчетливых и строгих понятиях, характеризующих, например, занятую философскую или религиозную позицию. Твердость этих убеждений как бы провоцирует дискуссии с представителями других мировоззренческих направлений. Неслучайно, например, вся история философии пронизана напряженной полемикой об основах миропонимания и весьма непростыми, порой остро конфликтными отношениями сторонников самобытных мировоззренческих концепций как друг с другом, так и с носителями традиционного жизненно-практического мировоззрения. Последнее скорее привлекает людей, склонных следовать коллективным ценностям и не придавать особого значения последовательности и цельности, концептуальной стройности мировоззренческих убеждений. Обычно мы если и обращаемся к исчерпывающей логической аргументации, то это вызывается скорее стремлением опровергнуть мнение оппонента, переубедить несогласных с нами, то есть

изменить их убеждения, нежели намерением отыскать истину или выработать новую собственную позицию по обсуждаемому вопросу. Логика обыденного мышления вообще имеет мало сходства со строгой научной логикой.

Разнообразные науки, в том числе и «науки о духе», интересуются человеческими ценностями преимущественно как особыми объектами исследования. Поэтому познавательные выводы «наук о духе» тоже не могут претендовать на роль неоспоримых ценностно-целевых ориентиров или установок практической деятельности людей. Даже если эти выводы притязают на статус законов науки, мы вправе занять по отношению к ним собственную позицию, согласиться либо не согласиться с ними. Поучительные для практики выводы из содержания данных законов состоят в заключении или предположении о том, что получится, если мы будем следовать их требованиям, и каковы возможные последствия действий, противоречащих этим требованиям. Практические выводы, вытекающие из теорий морали, искусства, политики, а равно и философских учений, не имеют непререкаемой силы законов природы, ибо они относятся к человеческой деятельности, подчиняющейся нашей воле и разуму.

Определение человеком своих жизненных ценностей и целей вовсе не сводится к приобретению объективных знаний. Оно выступает скорее как процесс самоопределения или самосозидания, и протекает данный процесс не только под контролем своего или чужого сознания, но и подсознательно, интуитивно. Строгое рациональное планирование – как внешнее, так и осуществляемое самой образующейся личностью – никогда не охватывает всей сложности, многогранности процесса ее образования. Никакая теоретическая модель данного процесса не может охватить все значимые его моменты, ибо многие из них нами даже не осознаются в силу их привычности, самоочевидности, которая интуитивно закладывается в основания теории. В повседневной жизни мы тоже немало теоретизируем, но и здесь, как и в науке существует необозримый массив неформализуемых предпосылочных положений, для осмысления которых нам нужно было бы взглянуть как бы со стороны на мир нашего индивидуального сознания и психики, на общество в целом, на историческое время, в которое мы погружены. Такой внешней по отношению к миру нашего бытия точки наблюдения у нас нет.

Теоретические предположения, как и смутные ощущения, не могут исчерпать все переплетения той культурно-исторической сети, в которую мы включены на протяжении всей жизни. Пытаясь высвободиться из одних узлов этой всеобъемлющей сети, мы тут же попадаем в другие ее узлы. Великие преобразования общественного устройства неоднократно демонстрировали не только героическую решимость вырваться из объятий прошлого, составляющего основной багаж культуры, но и обреченность попыток построить совершенно новую жизнь, которая через все отрицания сплеталась все-таки преимущественно из обрывков прошлого. Новое крайне редко бывает совершенно безоблачным и беспроблемным; возможны весьма опасные, деструктивные нововведения. Применительно к деятельности образования сказывается, однако, эффект особой инерционности, присущей большим системам. В сфере образования хорошо отработаны приемы имитации обновления, позволяющие педагогической общественности подстраиваться под новые веяния и жить своей жизнью, полагаясь на время, которое отсеет лишнее и вздорное.

Новейшее время продемонстрировало небывалое могущество техногенной цивилизации, которая оказалась способной не только произвести огромное количество разнообразных благ, но и уничтожить самое себя и сделать среду нашего обитания непригодной для жизни. Привычное прежде превознесение достоинств этой цивилизации сменилось мучительными раздумьями над тем, куда и как двигаться дальше, чтобы не просто отойти от края пропасти, но и открыть новые перспективы развития. На первый план выдвигаются вопросы о смысле и ценностях научного и технического творчества, о возможностях и последствиях вторжения с помощью искусственных устройств и специально разрабатываемых технологий в работу нашего организма и мир человеческой

психики. Все это имеет прямое отношение к организации и целевой ориентации образовательной деятельности.

В последнее время активно обсуждаются концептуальные и практические вопросы перехода к «смарт»-образованию [2]. Здесь нужно учесть, что английское слово «smart» весьма многозначно. Оно может означать остроумие или просто ум, а также находчивость, ловкость, модность, щеголеватость; есть и другой ряд значений: жгучая боль, резкость или сила удара, а также горе, печаль. В научно-техническом сообществе разговоры о «смарт»-технологиях ведутся уже довольно давно и связаны прежде всего с решением задач создания таких «умных» материалов и структур, которые способны целесообразно реагировать на изменяющиеся условия окружающей среды, адаптироваться к новым условиям функционирования, осуществлять самоконтроль и даже определенное саморазвитие. Современное состояние информационно-компьютерных технологий позволяет обеспечивать учет создаваемыми устройствами не только внешних параметров, но и разнообразных потребностей пользователей, в том числе и в сфере образования. Для этих целей могут создаваться «умные» лабораторные приборы, классные доски, учебники и т. д., позволяющее формировать и распространять новый, интегративный и коммуникативный образовательного контент, учитывающий запросы потребителей и обеспечивающий плодотворные контакты с другими людьми. Современные подходы к образованию усматриваются многими исследователями не только в улучшении условий и совершенствовании технико-технологической оснащенности образовательной деятельности, но и в определенном воздействии на самого человека как субъекта образовательного и вообще жизненного процесса. Человек тем самым становится более «смарт» (в позитивном значении данного понятия). Существенную особенность «смарт»-образования видят в его особенно высокой способности эффективно приспосабливаться к изменяющимся условиям и требованиям, исходящим как из внешней среды, так и из сферы собственных интересов и побуждений образующейся личности. Требования эти обычно связываются пропагандистами «смарт»-образования с развитием творческих способностей людей, позволяющим им выходить за рамки стереотипным схем деятельности и находить новые решения встающих перед ними задач.

В принципе соответствующие технологии могут быть применены на различных уровнях и в самых разных формах образования. Однако особый интерес энтузиасты «смарт»-образования проявляют к сфере высшего образования, связанного с подготовкой квалифицированных специалистов. Учебные материалы, используемые в вузах, действительно имеют свойство быстро устаревать, отставать от «переднего фронта» науки и практики. Новые образовательные технологии позволяют, на основе анализа всего массива информационных запросов студента и с учетом возникающих у него идей, не просто оперативно предлагать нужные в данный момент материалы, но и такие, которые способны в будущем понадобиться ему с учетом решаемых проблем, стать существенными для размышления и просто саморазвития. В целом учебный процесс, построенный на основе «смарт»-технологий, приобретает гибкий, творческий характер, включая в себя и поисково-познавательную, и проектную деятельность. Такие образовательные технологии позволяют также оптимизировать, сделать более эффективными связи вуза, факультета и отдельных студентов с заинтересованными работодателями, формулирующими пакеты заданий и предоставляющими необходимые материалы для активного включения людей, получающих образование, а также их наставников в выполнение этих заданий.

Индивидуализированные образовательные технологии способны стать для учащегося как бы его вторым «Я» или, по крайней мере, постоянным, умным, предусмотрительным и изобретательным собеседником. Наличие такого собеседника, рассуждая умозрительно и предельно смело, ставит под вопрос надобность в многочисленных преподавателях, а также, в некоем воображаемом случае, также и во многих других людях, составляющих наше обычное жизненное окружение. Человеческие связи, по крайней мере, ментальные, можно попробовать включить в соответствующие информационно-коммуникационные программы и более или менее успешно имитировать

их. Кажется, однако, что здесь мы вступаем в уже знакомую нам из научно-фантастической литературы область антиутопии, указывающей на опасность выхода за пределы здравого смысла даже в такой специфической области, как «смарт»-образование.

Использование английского слова «смарт» вместо привычного слова «умный» не является простой данью моде, а включает в себе некое напоминание или урок. «Смарт» ведь может пониматься и как ловкость, хитрость, когда в качестве модного или престижного выставляется определенный программно-информационный товар, который нужно продать подороже, а еще лучше – прочно привязать к нему потребителя, «посадить его на иглу». «Смарт»-технологии получили особенно широкое распространение в сферах маркетинга и рекламы, и перенесение их на область образования требует высокой осмотрительности. В этой области мода тоже играет немалую роль; здесь случались и в прошлом разные новые веяния, предлагались якобы революционные новшества, но суть дела от этого не изменилась. Благодаря образованию, общество, культура воспроизводят себя и, вместе с тем, обновляются. Наблюдая за людьми, как взрослыми, так и маленькими детьми, ясно видишь, какие они разные и как далеки они бывают от состояния «смарт», навязываемого модой и корыстными интересами поставщиков соответствующей продукции. Еще более проблематичными, хотя и по-своему интересными представляются рассуждения о «смарт»-обществе.

В наши дни спонтанно возникают и получают довольно широкое распространение организации нового типа, в которых сводится к минимуму детальное регламентирование деятельности, преодолевается жесткое разграничение функций, выполняемых отдельными работниками, и строгая иерархичность взаимоотношений между людьми и подразделениями [3]. Для деятельности любой организации в принципе очень важен выбор между доверием и контролем в отношениях между руководителями и подчиненными. Обычно этот выбор основывается на неосознанных посылах, продиктованных, например, невысокими общими оценками личностных качеств большинства людей – их честности, инициативности, надежности и т. д. Если такие, преимущественно негативные, оценки человеческих качеств работников приводятся в систему, то настоятельно необходимым становится осуществление многоуровневого контроля за всеми сторонами их деятельности и за результатами этой деятельности. С этим связана также жесткая дифференциация функций и составление детальных должностных инструкций, определяющих обязанности работников и формы ответственности за всевозможные нарушения или отклонения от правил. Не случайно мы привычно говорим о механизмах и технологиях управления, распространяя на область человеческих отношений и деятельности понятия, выработанные применительно к машинам и их системам. Вместе с тем система контроля, направляемая такими понятиями, несмотря на использование самых современных информационных технологий, постепенно становится весьма сложной и громоздкой. Это резко снижает общую эффективность деятельности организации, не только привлекая множество людей для осуществления подобного контроля, но и, что еще более важно, подрывая мотивацию к сотрудничеству, свободному от конкуренции, взаимного недоверия и подозрительности.

Возможна, однако, совершенно иная организация совместной деятельности людей, основанная на доверии к их честности, трудолюбию и стремлению к самосовершенствованию, их способности к доброжелательной кооперации усилий и совместной ответственности за результаты деятельности. Доверие к людям способно утвердить положительную мотивацию к труду и личностному росту – не только профессиональному, но и моральному и общекультурному, тогда как недоверие и тотальный контроль такую положительную мотивацию ослабляют или вовсе гасят. Показанные Фредериком Лалу на конкретных примерах способы преобразования организации совместной деятельности людей ориентированы, прежде всего, на возможно более полную реализацию их способностей к творчеству и личностному росту в процессе труда. В деятельности организаций нового типа могут занять достойное место «смарт»-технологии. Но здесь они, как и в образовании и вообще где бы то ни было, являются лишь специфическим средством, которое было бы неразумно ставить выше действительной

цели. По существу же речь должна идти о радикальной гуманизации и демократизации всей деятельности – как образовательной, так и трудовой.

Многие процессы в современном обществе, в культуре свидетельствуют о том, что человечество ныне стоит на пороге весьма основательных перемен, которые затронут и науку, и образование, и общую организацию жизни. Мы можем лишь предполагать контуры новой реальности, которая возникает как бы спонтанно, без предварительного плана. Нетрудно, однако, допустить, что некоторые из прежних научно-технических представлений, мировоззренческих догм и якобы неоспоримых педагогических истин вскоре изменят свой статус и уйдут в запасники культуры. В широко развернутой рекламе образовательных «смарт»-технологий тоже нетрудно усмотреть немало ситуативного, конъюнктурного, навешанного интеллектуальной модой и подменяющего сущностные цели образования набором особых средств. Но само использование слова «разумный» указывает на необходимость более ответственно выстраивать образование, сообразуя его с гуманистическими ценностями.

1. Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса. – Минск: Беларус. навука, 2017. – 765 с.
2. Днепроvская, Н.В. Понятийные основы концепции смарт-образования / Н.В.Днепроvская, Е.А.Янковская, И.В.Шевцова // Открытое образование [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatiynye-osnovy-kontseptsii-smart-obrazovaniya>. - Дата доступа: 28.06.2018.
3. Лалу, Ф. Открывая организации будущего / Ф.Лалу. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 315 с.